

ФУНКЦИИ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ ИЗ “СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ” В РОМАНЕ ЮРИЯ ТЫНЯНОВА “СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА”

© 2019 г. А.М. Ранчин

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 51
aranchin@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию: 16 февраля 2019 г.

Дата публикации: 30 июня 2019 г.

FUNCTIONS OF CITATIONS FROM *THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN* IN YURY TYNANOV'S NOVEL *DEATH OF THE VAZIR-MUKHTAR*

© 2019 Andrej M. Ranchin

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of Lomonosov Moscow State University,
Leninskie Gory, 1, bild. 51, Moscow, 119991, Russia
aranchin@mail.ru

Received: February 16, 2019

Date of publication: June 30, 2019

Резюме. В романе Юрия Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара” есть три эпиграфа из “Слова о полку Игореве”, в двух случаях цитаты затем варьируются и повторяются в тексте соответствующих глав. Функции этих цитат многообразны: они являются знаками — предвестиями будущих событий, они приоткрывают происходящее в подсознании героя, они придают происходящему глубинный символический смысл. Тынянов в своем романе трактует “Слово о полку Игореве” как произведение мифопоэтической природы задолго до того, как эта интерпретация утвердилась в филологии.

Ключевые слова: “Слово о полку Игореве”, “Смерть Вазир-Мухтара”, реминисценции, функции, абсурд, символика, мифопоэтика.

Abstract. There are three epigraphs from “The Tale of Igor’s Campaign” in Yurij Tynyanov’s novel “The Death of the Wazir-Mukhtar”. In two cases the quotations then vary and are repeated in the text of the corresponding chapters. The functions of these quotations are diverse: they are signs — forerunners of future events, they reveal what is happening in the hero’s subconscious, they give the deeply symbolic meaning the events describing by author. Two quotations from “The Tale” are signs of improperly direct speech, both fragments can be interpreted as a kind of Griboedov’s internal monologues faces. Accordingly, it is permissible to assume that the reader should understand the pop-up quotes from “The Tale” as the work of consciousness and subconsciousness (in a state of sleep or drowsiness) of a hero trying to remember and put together “The Tale”, which is associated for him with the homeland, and with his wife. At the same time the medieval text should be understood as a kind of pretext, the “ideal” text and source of all Russian literature, as a text that gives the hero a language to describe and comprehend his fate. Tynyanov treats “The Tale about Igor’s Campaign” as a work of a mythopoetic nature long before this interpretation was established in philology.

Key words: “The Tale about Igor’s Campaign”, “The Death of the Wazir-Mukhtar”, reminiscences, functions, absurdity, symbolics, mythopoetics.

Для цитирования: Ранчин А. М. Функции реминисценций из “Слова о полку Игореве” в романе Юрия Тынянова “Смерть Вазир-Мухтара” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S241377150005409-2

For citation: Ranchin, A.M. *Funkcii remiscencij iz “Slova o polku Igoreve” v romane Jurija Tynjanova “Smert’ Vazir-Mukhtara”* [Functions of Citations from *The Tale Of Igor’s Campaign* in Yuri Tynyanov’s Novel *Death of The Vazir-Mukhtar*]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 3, pp. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150005409-2

DOI: 10.31857/S241377150005409-2

В романе Тынянова реминисценции из древнерусской “песни” встречаются трижды¹, и во всех трех случаях они вводятся посредством эпиграфов к главам внутри “больших глав”: в главке 25-й 2-й главы, в главке 40-й той же главы и в главке 1-й 10-й главы. В первом случае эпиграф — это изолированная цитата: реминисценция не выходит за пределы эпиграфа, не повторяется и не варьируется в тексте главки. Во втором и третьем случаях это цитаты “распыленные”, “дисперсионные”: их элементы повторяются на протяжении главок, становясь семантическими и композиционными лейтмотивами. Попробуем внимательно рассмотреть все три случая.

25-я главка второй главы открывается эпиграфом “Стрелявший с отня злата стола салтаны за землями. Слово о полку Игоре” [4, с. 110]. Цитата — фрагмент из обращения к князю Ярославу “Осмомыслу” Галицкому — является неточной. В тексте первого издания 1800 г. этот фрагмент выглядит так: “стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями” [4, с. 30]. Расхождение отня / отня может быть объяснено, по-видимому, гиперкоррекцией, вольно или невольно сделанной Тыняновым при воспроизведении древнерусского оригинала. В “Слове о полку Игоре” это притяжательное прилагательное встречается 5 раз в различных падежных формах, во всех случаях без буквы ь, что отражает падение редуцированных, завершившееся, как известно, в XII в. Его результат, естественно, был зафиксирован в списке “песни”, по мнению большинства лингвистов значительно более позднем — видимо, XVI в. Как можно предположить, Тынянов реконструирует первоначальную форму этого слова, какую оно должно или могло иметь в исходном, авторском тексте древнерусского произведения, созданного на исходе XII столетия. В реконструкции В.Н. Перетца: “с’ ѡт’на” [7, с. 116]. Можно было бы

предположить, что Тынянов опирался именно на эту реконструкцию, сделанную известным медиевистом. Однако это предположение едва ли справедливо: автор “Смерти Вазир-Мухтара” в отличие от В.Н. Перетца (впрочем, отклоняясь и от такого же написания в тексте первого издания) придает лексеме “салтаны” флексию -ы, а не -и и опускает в ней ерь (ѣ), в воссозданном В.Н. Перетцем тексте XII в. представленный в форме паерка: сал’тани [7, с. 116]. Автор реконструкции в этом случае ориентировался на текст “Слова” в версии так называемой Екатерининской копии². Очевидно, Тынянов, как и Перетц, но независимо от него, меняет начальную прописную букву на строчную в слове салтани / сал’тани (она есть и в так называемой Екатерининской копии, и в издании 1800 г.), справедливо полагая, что вариант с прописной отражает орфографический обычай XVIII — начала XIX в. писать с заглавной буквы титулы. Одновременно он, вероятно, бессознательно, заменяет флексивное -и на -ы, воспроизводя грамматическую основу лексемы “салтан” в ее твердом варианте, привычном и нормативном для Нового времени.

Более интересный и не столь просто объяснимый случай — замена Тыняновым глагола второго лица настоящего времени “стрѣляеши” на причастие прошедшего времени “стрелявший”. Одна из возможных причин заключается в том, что автор “Смерти Вазир-Мухтара” стремится создать оппозицию Ярослав Галицкий — Николай I: в отличие от отца Ярославны, якобы действительно “стрелявшего” иноземных султанов³, российский император решает сохранить и поддержать власть персидского “салтана” Фетх Али-шаха: “В Персии могло подняться возмущение черни, — он холодно приподнял бровь, — я же признаю законных государей. Династия Каджаров должна царствовать” [4, с. 114]. Как поясняет повествователь, “Николай

¹ В отличие от цитат из документальных источников тыняновского романа и от аллюзий на них, тщательно рассмотренных в содержательной статье Г.А. Левинтона [1], а также цитат из литературных произведений, связанных с личностью Грибоедова (см. [2], см. в этой связи также [3]), цитаты из “Слова о полку Игоре” специально, насколько известно автору настоящей статьи, не анализировались.

² Ср. вариант Екатерининской копии, например, по изданию “Слова” А.С. Орловым: [8, с. 72, прим. 11].

³ Кто именно подразумевается под “салтанами”, не вполне ясно. Высказывались гипотезы, что это султан Саладин (Салах-ад-Дин) и что галицкие полки могли участвовать в третьем крестовом походе, договоренность о чем была достигнута еще при жизни Ярослава; что это сельджукские правители; что это именование половецких ханов. См.: [9, с. 263].

боялся, чтоб не свергли шаха с престола” [4, с. 114]. Полувозражение Грибоедова “Каджары в Персии не народны” [4, с. 114] царь игнорирует. На фоне героической — в трактовке автора “Слова” — фигуры Ярослава “Осмомысла” император выглядит блекло. Эпиграф контрастирует с текстом главки.

Можно предположить, что цитата из обращения к Ярославу Галицкому была приведена романистом по памяти, однако замена “стрѣляеши” на “стрелявший” едва ли объяснима ошибкой запоминания: текст в целом цитируется достаточно точно. Кроме того, в языке XII в. действительное причастие прошедшего времени в именительном падеже единственного числа от глагола *стрѣляти* должно было иметь (в членном варианте) форму *стрѣляи*, а не *стрѣлявший* / *стрелявший*, что профессиональный филолог Тынянов, конечно же, знал.

В двух остальных случаях соотносительность эпиграфов и тыняновского текста намного сложнее.

40-я главка 2-й главы открывается эпиграфом “Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море. Слово о полку Игореве” [4, с. 138]. В отличие от первого эпиграфа эта цитата точна. Единственное разночтение с древнерусским текстом — замена “вступил”⁴ на “вступила”; но эта конъектура, диктуемая требованиями синтаксической правильности, была давно принята в науке⁵. Эпиграф неоднократно воспроизводится на протяжении текста главки, образуя ее композиционный стрелен и семантический лейтмотив:

“Встала обида.

От Нессельрода, от мышьевого государства, от раскоряки-грека, от совершенных ляжек тмутараканского болвана на софе — встала обида.

Встала обида в силах Дажьбожа внука.

От быстрого и удачливого Пушкина, от молчания отечного монумента Крылова, от собственных бедных желтых листков, которым не ожить вовеки, — встала обида.

Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою.

От безответной Кати, от мадонны Мурильо, сладкой и денежной Леночки, от того, что он начинал и бросал женщин, как стихи, и не мог иначе, — встала обида.

Вступила девою, далекою, с тяжелыми детскими глазами.

Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню. От земли, родной земли, на которой голландский солдат и инженер, Петр по имени, навалил камни и назвал Петербургом, от финской, чужой земли, издавна выдаваемой за русскую, с эстонскими чудскими, белесыми людьми, — встала обида.

Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море.

На синем, южном море, которое ему не отдали для труда, для пота, чужого труда и чужого пота, для его глаз, для его сердца, плескала она крылами” [4, с. 138–39].

Эпиграф выступает в роли зачина — анафоры сначала в каждом нечетном абзаце: в первом, третьем, пятом и седьмом — и одновременно является эпифорой в четных абзацах — начиная со второго и заканчивая шестым. В восьмом абзаце эпиграф используется одновременно в качестве и анафоры, и эпифоры. При этом в качестве эпифоры используется сокращенный фрагмент цитаты, ее семантическое и синтаксическое ядро (субъект и первый из предикатов — однородных сказуемых), в то время как в анафорических цитатах текст эпиграфа воспроизводится постепенно, с расширением начиная с первых двух лексем и далее. В предпоследнем, девятом абзаце главки происходит своеобразное собирание цитаты-эпиграфа: эпиграф вновь воспроизводится целиком. Таким образом, почти весь текст этой главки замыкается в “цитатное кольцо”, на уровне плана выражения реализующее инвариантный мотив тыняновского романа — безысходность, предрешенность судьбы Грибоедова в последекабрьской, николаевской России. В десятом абзаце от цитаты оставлены выражение “на синем море”, разорванное вставным определением “южным”, и словосочетание “плескала крылами”, также разорванное вставкой — местоимением “она”. Последняя цитата не вполне точна: глагол совершенного вида “всплескала” заменяется на глагол несовершенного вида “плескала”, что подчеркивает неизбывность, неоконченность обиды героя — на власть, на удачливых или равнодушных литераторов-соперников, на любовниц, на страну и эпоху. Замена древней формы творительного инструментального “крылы” на современную “крылами” объясняется тем, что цитата раскавычена и применена к судьбе главного героя. В заключительном абзаце главки мы вновь встречаем все то же композиционное кольцо: абзац окольцован двумя цитатами из эпиграфа.

⁴ Ср. текст первого издания [5, с. 19] и Екатерининской копии [8, с. 69, прим. 9].

⁵ Уже первые издатели, переведя эту лексему с помощью деэпричастия “вступив” и отнеся тем самым к действиям Девы Обиды (см. [5, с. 19]), по существу предложили эту конъектуру.

Третий эпиграф из “Слова” — “Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо, далече залетело. Слово о полку Игореве” — открывает 1-ю главку 10-й главы [4, с. 351]. Как и в предыдущем случае, вся глава строится на этом эпиграфе, “прошивается” им:

“О, дремота перед отсроченным отъездом, когда завязли ноги во вчерашнем дне, когда спишь на чужой кровати, и в комнате как бы нет уже стен, и вещи сложены, а ноги завязли и руки связаны дремотой.

Из порожних тул поганых половцев сыплут на грудь крупный жемчуг, без конца.

Дремлют ноги, что чувствовали теплые бока жеребца, лежат руки, как чужие государства.

Дышит грудь, волынка, которую надувают немелые дети.

Тириликает российская балалайка на первом дворе.

Дремота заколодила дороги, завалила хворостом, спутала Россию, подменила ее в потемках Кавказом. Какая долгая дорога даже здесь, с третьего двора на второй, со второго на первый — не перебраться через порог, не найти калитки. Стоят часовые.

Тириликает балалайка на первом дворе.

Одеяло сползает с ног, ноги стынют, и дремоте кажется, что человек переходит через холодный ручей. Снова натягивается одеяло, и ручей высыхает. Встречается человек с родными и друзьями, но все они безымянные — дремота позабыла имена. Силится человек на кровати вспомнить имя, и нужно ему назвать женские руки, которые здесь, близко.

Ярославна плачет в городе Тебризе на английской кровати. Она беременна, и беременность ее мучительная.

Тириликает казацкая балалайка на первом дворе.

Ведет дремота бумажное делопроизводство об одном каком-то неприятном деле, и ни за что ей не вспомнить, почему дело возникло, и каков номер, и как зовут того человека. Но дело самонужное, человек этот провинился. Кажется, он русский человек, и кажется, он кому-то изменил, чуть ли не Россию он предал. А где Россия?

Дремота заколодила дороги, спутала Россию. И нужно разгрести тысячи верст хворосту, чтоб добраться и услышать: плачет Ярославна в городе Тебризе” [4, с. 351–352].

Однако на этот раз эпиграф ни разу точно не воспроизводится в тексте — ни в виде отдельных слов и выражений, ни целиком. Варьируется не текст эпиграфа, а его мотив — дремота, выраженный в глаголе “дремлют” и в самом слове “дремота”, семь раз в разных формах повторяющемся в тексте главки. Число повторов, очевидно, не случайно: это число символическое, означающее

предел, конец⁶ именно в таком значении его, видимо, употребляет автор “песни”, когда говорит: “На седьмомъ въцѣ Трояни врьже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу” [5, с. 35]. В тыняновском романе это, конечно, конец жизни героя, знак-предвестие его гибели. В тексте романа мотив дремоты получает символический, мифопоэтический смысл, которого он лишен в тексте древнерусском. Дремота персонифицирована в “Смерти Вазир-Мухтара” наподобие Обиды в “Слове”: дремота *забывает имена и ведет дела*. Дремота не только сонное состояние главного героя, не способного пошевелить ни ногой, ни рукой; она означает и неизбывную, беспробудную инертность, скованность, бездеятельность перед лицом истории и судьбы. Это инертность не столько Грибоедова, который пытается переменить свою участь, но все же, принимая опасное назначение, почти неизбежно, как это ясно читателю, тем самым выбирает смерть, — сколько всей страны, если не всего бытия. *Далече залетевшее* в чужую, восточную землю и *дремлющее Олегово хороброе гнездо* на первичном, фабульном уровне соотносится с отрядом русского посла, а плену героев “Слова” соответствует смерть Грибоедова и его людей. Финал в противоположность “повести” о князе Игоре оказывается дурным: на родину возвращается не живой герой, а лишь тело, причем неизвестно кому принадлежащее. На глубинном символическом уровне плену храбрых Ольговичей соответствует плененность человека остановившейся историей⁷. Как писал о романе Тынянова А.В. Белинков: “Человеческой свободы от истории, человеческой автономии не существует. <...> Тынянов пишет о том, что независимой от истории личной судьбы не существует”; “История, рок, абсолютная детерминация, судьба, процесс поглощают человеческую жизнь и отрицают свободу воли” [12, с. 334, 338].

В этой главке всплывают также еще две цитаты из “Слова”: “Из порожних тул поганых половцев сыплут на грудь крупный жемчуг”⁸ и дважды повторенное “Ярославна плачет” / “плачет Ярославна”⁹.

⁶ См. об этом, например: [10, с. 118–119].

⁷ Ср. в этой связи об осмыслении Тыняновым и Б.М. Эйхенбаумом себя и своего отношения к истории: [11, с. 433–454].

⁸ Цитата представляет собой перевод-толкование с изменением некоторых грамматических форм; в тексте издания 1800 г.: “сыпахутыи тыщими тулы поганых тльковинъ великий женчюг на лоно” [5, с. 23].

⁹ В “Слове” это тройной повтор, вводящий три части заклинания — моления — плача Ярославны: “Ярославна рано плачеть”, все три раза с упоминанием города (Путивля), в котором плачет княгиня, один раз употреблена и лексема “городу” [5, с. 38–39]. Ср. у Тынянова упоминание Тебриза и его именование “город”.

Первая цитата вводит аллюзию на смерть героя романа: образ насыпаемого жемчуга — метафора печали и горя, и в сне Святослава, в котором она содержится, эта метафора означает горе, погребальный плач по покойному. Включение цитаты в текст главки мотивировано также тем, что она, как и эта главка, принадлежит “онейрическому дискурсу”, относится к сну персонажей — Святослава Киевского и Грибоедова, соответственно.

Вторая цитата отождествляет Нину, оставленную в Тебризе Грибоедовым юную жену, с супругой Игоря. Однако соотнесенность “беременна” разительным несходством: плач — заклинение — молитва Ярославны оказываются действенными, и ее муж невредимым возвращается из плена; сеготования “новой” Ярославны — это только плач, не обладающий ни закликательной, ни молитвенной силой, и он не приводится в тексте. Соответственно, и Грибоедова ждет не встреча с женой, а страшная гибель. Возможно, не случайно, что тройной повтор “Ярославна плачетъ” в романе воспроизводится лишь дважды: тройственная структура плача Ярославны соотносится, с одной стороны, со структурой заговора¹⁰, а с другой — с композицией молитвы, обращенной к Трем Лицам Святой Троицы — Богу-отцу, Богу-сыну и Святому Духу¹¹. О плаче Нины сообщается лишь дважды — он структурно не похож ни на заклинение, ни на молитву, и он не может быть действенным.

Сравнение с кукушкой (как традиционно понимается “зегзица” из плача Ярославны) соотносит княгиню с вдовой из народных песен¹², а мотив полета к Каяле-реке, возможно, содержит отсылку к сказочному мотиву поиска мертвой воды для оживления убитого героя¹³. Таким образом, начальная часть плача Ярославны напоминает не заговор или молитву, а оплакивание покойника. В относительно недавних работах были прослежены и вероятная связь “песни” с апокалиптической словесностью¹⁴, и символическое осмысление в ней пленения Игоря как временной смерти¹⁵.

Отголоском “Слова о полку Игореве” можно считать мотив разлуки с родиной, непреодолимого расстояния между ней и чужой землей, в которой оказался герой. В “Слове” этот мотив выражен

в дважды повторенном восклицании автора: “О Руская земле! Уже за *шеломянемъ еси!*” [5, с. 10 и с. 12], с одним орфографическим разночтением.

Главка с эпиграфом об “обиде” и главка с эпиграфом о “дремоте” содержат очевидные признаки так называемой несобственно-прямой речи — “явления, которое можно определенными операциями превратить (с той или иной степенью точности) как в прямую речь, так и в косвенную” [25, с. 54]. Несобственно-прямая речь построена на совмещении внешней (ракурс повествователя) и внутренней (ракурс героя) точек зрения. В высказывании “На синем, южном море, которое ему не отдали для труда, для пота, чужого труда и чужого пота, для его глаз, для его сердца, плескала она крылами” непосредственно выражена точка зрения тыняновского героя, и она легко может быть трансформирована в прямую речь посредством замены местоимений *ему* и *его* на *мне* и *моего*. Более сложный пример — фрагменты 1-й главки 10-й главы. Высказывания “Дремлют ноги, что чувствовали теплые бока жеребца, лежат руки, как чужие государства”; “Дышит грудь, волянка, которую надуют неумелые дети”; “Одеяло сползает с ног, ноги стынут, и дремоте кажется, что человек переходит через холодный ручей”, конечно, передают ощущения Грибоедова (мыслимы и естественны уточнения *мои* — ноги, руки, грудь), но при этом эти ощущения отчуждены от *я* героя и приписаны персонифицированной дремоте, а *я* названо так же отчуждено, “в третьем лице” — “человек”. Дремота и аллюзии на претекст — “Слово” — становятся знаком такого отчуждения, родная Нина превращается в другую, в чужую, в далекую не только в пространстве, но и во времени — в Ярославну.

Вместе с тем, поскольку и в главке об “обиде”, и в главке о “дремоте” осязательны признаки несобственно-прямой речи, оба фрагмента (первый с большей очевидностью) могут быть истолкованы как своего рода внутренние монологи Грибоедова, переведенные в речь от третьего лица. Соответственно, допустимо предположение, что читающий должен понять всплывающие цитаты из “Слова” как работу сознания и подсознания (в состоянии сна или полусна) героя, пытающегося вспомнить-собрать “по кусочкам” в единое целое текст “Слова”, ассоциирующийся для него и с родиной, и с женой и понимаемый как некий претекст, “идеальный” текст и исток всей русской литературы. Как текст, который дарит герою язык для описания и постижения его судьбы.

При этом в полудремотной, полубредовой “полувнутренней” речи раритетные лексемы или устаревшие грамматические формы из древнерусской

¹⁰ См. об этом, например: [13, с. 65]; [14, с. 321–329]; [15, с. 32–34].

¹¹ См. об этом: [16, с. 442].

¹² См.: [13, с. 64]; [17, с. 111].

¹³ См.: [13, с. 65]; [18, с. 38–47].

¹⁴ См., например: [19, с. 64–69]; [20, с. 104–115].

¹⁵ См.: [21]; [22, с. 88–89, 102–103]; [23, с. 491–493]. Ср. в этой связи наблюдения о мифопоэтической природе “Слова”: [24].

“песни” становятся своеобразной заумью, сигнализирующей об обрыве коммуникации и об абсурде бытия. Таковы малопонятные “тмутаранский болван”¹⁶ и “Дажьбож внук”, загадочное притяжательное прилагательное в словосочетании “на землю Трояню”¹⁷ или выглядящее в тексте Нового времени как аграмматизм слово “крылы”.

Ключ к пониманию общей функции реминисценций из “Слова” в тыняновском романе содержится в строках из 2-й главки 7-й главы:

“Песня.

Песня в нем гуляла, болела, назревала, бродила и рассыпалась. Это не о новом государстве он думал, не из-за него старался, а из-за старой русской песни он бился, которая сменит нежные романсы Сашки и альманашиков. Теперь, когда он постарел и молодость сняли с него, как тесное платье, он это понял. Не театр военный и не театр Большой, не министерство иностранных и престранных дел, не журналы лавошников и чиновников, а хотел он построить простую, прямо русскую, не петербургскую, древнюю песню, полунощное слово о новом полку Игореве” (с. 278).

Приписанный Тыняновым Грибоедову замысел не находит бесспорного документального подтверждения, но соответствует интересу и любви автора “Горя от ума” к русской старине и культу национальной древности, характерному для грибоедовской эпохи. Об этом живом интересе свидетельствуют предположительно датированные 1824–1825 гг. заметки и выписки по древней русской истории под общим названием “Desiderata”¹⁸. Среди них есть любопытное толкование лексемы “къмети” из “Слова о полку Игореве”¹⁹. Возможно, с воздействием “Слова” связан замысел неоконченной драматической поэмы “Диалог половецких князей”, хотя реминисценций из древнерусской “песни” в ее известном нам фрагменте нет²⁰.

Другой вопрос: почему Тынянов именно “Слово о полку Игореве” выбирает в качестве едва ли не самого главного претекста для своего романа? Ведь “Слово” в романе, как замечает В.А. Каверин, — это мотив “лирический, тайный”. «Оно приходит к нему на помощь и в удаче и в неудаче. Он сам

хочет написать свое “Слово”. Все поэтические отступления, когда Грибоедов остается с самим собой, связаны со “Словом”. Поход в Персию — это поход Игоря в половецкие степи. <...> Игорь у половец, в плену, из которого ему удастся убежать. Грибоедову некуда бежать» [29, с. 222].

Б.М. Эйхенбаум напомнил о статье Тынянова о Хлебникове, где есть такие слова: «Перед судом нового строя Хлебникова литературные традиции оказываются распахнутыми настежь. Получается огромное смещение традиций. “Слово о полку Игореве” вдруг оказывается более современным, чем Брюсов» [30, с. 590–591]²¹. Как замечает Эйхенбаум, разбирающий текст 1-й главки 10-й главы, в романе «[п]роисходит полное смещение традиций — и “Слово о полку Игореве” входит в роман на правах нового строя художественной речи...» [31, с. 407]. О стиле романа он замечает: «Это и “Слово о полку Игореве” и Хлебников...» [31, с. 407]. Эйхенбаум проводит параллель с “описательной поэмой” Хлебникова “Зверинец”, замечая: «И замечательно, что эта описательная поэма Хлебникова, построенная на семантических опытах, заканчивается напоминанием о “Слове о полку Игореве”»: “Где в зверях погибают какие-то прекрасные возможности, как вписанное в Часослов “Слово о полку Игореве”»» [31, с. 408].

Эти наблюдения справедливы и точны, однако исследователь в традициях ОПОЯЗа делает акцент на плане выражения, на “форме”, на языке. Между тем не менее важна мифопоэтическая природа этого произведения, достаточно полно раскрытая только в работах относительно недавнего времени и постигнутая автором “Смерти Вазира-Мухтара”, видимо, прежде всего интуитивно. “Слово” как семантический конденсатор оказалось для Тынянова необходимым.

Так же важно и особое место “Слова о полку Игореве” в русской культуре и словесности как ее начального, первого “поэтического” творения: в начале было “Слово”. Велимир Хлебников в поэме-“сверхповести” “Война в мышеловке” писал о земле, преображенной эсхатологической катастрофой:

И когда шар земной, выгорев,
Станет строже и спросит: “Кто же я?” —
Мы создадим “Слово Полку Игореве” <так! — А. Р.>
Или же что-нибудь на него похожее [32, с. 454].

Мир выгорел в огне революции и обнаружил в себе отвратные черты “мышьего государства”.

¹⁶ Это выражение — реминисценция из еще одного фрагмента “Слова”; в древнерусском памятнике: “Тмутороканьский блъвань” [5, с. 9].

¹⁷ Ср. обзор разных толкований лексемы, сводящихся к пяти основным версиям: [26].

¹⁸ См.: [27, с. 92–100].

¹⁹ См.: [27, с. 100]. О ценности этого толкования с этимологической точки зрения см.: [28, с. 237–238].

²⁰ См. об этом произведении: [28, с. 236–239].

²¹ См.: [31, с. 406].

Футуристический пафос ослабел, поблек, испарился. Создать новое “Слово” не удалось. Но осталось “Слово” старое — и вечно новое. Как недосягаемый ориентир. Как неиссякающий источник образов и смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Левинтон Г.А.* Источники и подтексты романа “Смерть Вазир-Мухтара” // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне, 1988. С. 6–14.
2. *Левинтон Г.А.* Грибоедовские подтексты в романе “Смерть Вазир-Мухтара” // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения, Рига: Зинатне, 1990. С. 21–34.
3. *Левинтон Г.А.* Еще раз о комментировании романов Тынянова // Русская литература, 1991. № 2. С. 126–130.
4. *Тынянов Ю.* Сочинения: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1985. Т. 2: Смерть Вазир-Мухтара. 440 с.
5. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М.: В Сенатской тип., 1800. VIII+46 с.
6. Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”: В 6 вып. / Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 4: О—П. М.; Л.: Наука, 1973. 234 с.
7. *Перетц В.* “Слово о полку Ігоревім”: Пам’ятка феодальної України-Руси XII віку. Вступ. Текст. Коментар. Київ: В друкарні Української АН, 1926. IX+356 с. (Українська Академія Наук. Збірник Історично-філологічного відділу. № 33).
8. *Орлов А.С.* “Слово о полку Игореве” 2-е, доп. изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 215 с.
9. *Бобров А.Г.* Салтан // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”: В 5 т. Т. 4: П— Слово. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 263.
10. Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”: В 6 выпусках / Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 5: Р—С. М.; Л.: Наука, 1968. 264 с.
11. *Чудакова М.О.* Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Чудакова М.О. Работы разных лет. Т. 1: Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 433–454.
12. *Белингов А.* Юрий Тынянов // Каверин В., Новиков В. Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове. М.: Книга, 1988. С. 260–319.
13. *Барсов Е.В.* “Слово о полку Игореве” как художественный памятник киевской дружинной Руси. Исследование. Т. 2. М.: В Унив. тип., 1887. 322 с.
14. *Сапунов Б.В.* Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве — памятник XII века: Сб. статей / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 321–329.
15. *Якобсон Р.О.* Композиция и космология плача Ярославны // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. 24. Л.: Наука, 1969. С. 32–34.
16. *Пиккио Р.* “Слово о полку Игореве” как памятник религиозной литературы Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 50. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 430–431.
17. *Соколова Л.В.* Плач Ярославны // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”: В 5 т. Т. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 109–116.
18. *Соколова Л.В.* Мотив живой и мертвой воды в “Слове о полку Игореве” // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Т. 48. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 38–47.
19. *Клейн Й.* Донец и Стикс: (Пограничная река между светом и тьмою в “Слове о полку Игореве”) // Культурное наследие Древней Руси: (Истоки. Становление. Традиции) / Отв. ред. В.Г. Базанов. М.: Наука, 1976. С. 64–69.
20. *Клейн Й.* “Слово о полку Игореве” и апокалиптическая литература: (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Т. 31. Л.: Наука, 1976. С. 104–115.
21. *Гаспаров Б.М.* Поэтика “Слова о полку Игореве”. М.: Аграф, 2000. 608 с.
22. *Демкова Н.С.* Проблемы изучения “Слова о полку Игореве” // Чтения по древнерусской литературе / Ред. К.В. Айвазян. Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1980. С. 58–107.
23. *Демкова Н.С.* Бегство князя Игоря // “Слово о полку Игореве”: 800 лет / Гл. ред. И.И. Шкляревский; Сост. Л.И. Сазонова. М.: Сов. писатель, 1986. С. 491–493.
24. *Подкорытова Т.И.* Параллель мифа и истории, образа и нарратива в “Слове о полку Игореве” // Русская филология: Ученые записки кафедры литературы и методики ее преподавания Смоленского государственного университета. Т. 16 / Сост. и ред. И.В. Романова, Л.В. Павлова, Л.Г. Каяниди. Смоленск, 2015. С. 10–28.
25. *Успенский Б.А.* Поэтика композиции // Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1995. С. 9–220.
26. *Соколова Л.В.* Троян в “Слове” // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”: В 5 т. Т. 5: Слово

- Даниила Заточника — Я. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 131–137.
27. *Грибоедов А.С.* Полн. собр. сочинений: [В 3 т.]. Т. 3. Пг.: Издание Разряда изящной словесности АН, 1917. IX+396 с.
 28. *Прийма Ф.Я.* “Слово о полку Игоре” в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л.: Наука, 1980. 249 с.
 29. *Каверин В., Новиков В.* Новое зрение: Книга о Юрии Тынянове. М.: Книга, 1988. 319 с.
 30. *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. [Л.]: Прибой, 1929. 596 с.
 31. *Эйхенбаум Б.М.* Творчество Ю. Тынянова // Эйхенбаум Б. О прозе: Сб. статей / Сост. и подгот. текста И. Ямпольского; Вступит. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1969. С. 380–420.
 32. *Хлебников В.* Творения / Общ. ред. и вступит. ст. М.Я. Полякова; Сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Сов. писатель, 1986. 736 с.
- REFERENCES
1. Levinton, G.A. *Istochniki i podteksy romana “Smert’ Vazir-Mukhtara”* [Sources and Subtexts of Novel “The Death of The Vazir-Mukhtar”]. *Tynyanovskij sbornik: Tretji Tynyanovskije chtenija* [Tynyanov Collection: Third Tynyanov Readings]. Riga, 1988, pp. 6–14. (In Russ.)
 2. Levinton, G.A. *Gribojedovskije podteksty v romane “Smert’ Vazir-Mukhtara”* [Sources and Subtexts of novel “The Death of The Vazir-Mukhtar”]. *Tynyanovskij sbornik: Chetvertyje Tynyanovskije chtenija* [Tynyanov Collection: Fourth Tynyanov Readings]. Riga, 1990, pp. 21–34. (In Russ.)
 3. Levinton, G.A. *Jeshe raz o komentirovanii romanov Tynyanova* [Once Again on Commenting on the Novels of Tynyanov]. *Russkaya Literatura* [The Russian Literature]. 1991, No 2, pp. 126–130. (In Russ.)
 4. Tynyanov, Yu. *Sochinenija* [Works in 2 Vols]. Leningrad, 1985. Vol. 2. 440 p. (In Russ.)
 5. *Iroicheskaja pesn’ o pokhode na polovzov udel’nogo knjazja Novgoroda-Severskogo Igorja Svatoslavicha...* [The Heroic Hymn of the Novgorod-Seversky Prince Igor Svyatoslavich’s Campaign against the Polovtsians, Written in Old Russian in Late 12th Century, with Parallel Retelling in the Language of Today]. Moscow, 1800. VIII + 46 p. (In Russ.)
 6. *Slovar’-spravochnik “Slova o polku Igoreve” v 6 vyp.* [A Reference Dictionary to “The Tale of Igor’s Campaign” in 6 Vols.]. Ed. by V.L. Vinogradova. Vol. 4. Leningrad, 1973. 234 p. (In Russ.)
 7. Peretz, V. “*Slovo o polku Igorevim*”: *Pam’atka feodal’noj Ukrainy-Rusi XII viku. Vstup. Text. Kommentar.* [“The Tale about Igor’s Campaign”: The Monument of Feudal Ukraine-Rus’ in the 12th Century. Introduction. Text. Comment]. Kiev, 1926. IX + 356 p. (In Ukrainian)
 8. Orlov, A.S. “*Slovo o polku Igoreve*” [“The Tale about Igor’s Campaign”]. Ed. 2, enlarged. Moscow; Leningrad, 1946. 215 p. (In Russ.)
 9. Bobrov, A.G. Saltan [Sultan]. *Enciklopedija “Slova o polku Igoreve” v 5 t.* [Encyclopedia of “The Tale about Igor’s Campaign” in 5 Vols]. Vol. 4. St. Petersburg, 1995, p. 263. (In Russ.)
 10. *Slovar’-spravochnik “Slova o polku Igoreve” v 6 vyp.* [A Reference Dictionary to “The Tale of Igor’s Campaign” in 6 Vols.]. Ed. by V.L. Vinogradova. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1968. 264 p. (In Russ.)
 11. Chudakova, M.O. *Social’naja praktika, filologicheskaja refleksija i literatura v nauchnoj biografii Eikhenbauma i Tynyanova* [Social Practice, Philological Reflection and Literature in the Scholarly Biography of Eikhenbaum and Tynyanov]. *Chudakova, M.O. Raboty raznykh let* [Works of Different Years]. Vol. 1. Moscow, 2001, pp. 433–454. (In Russ.)
 12. Belinkov, A. Yuriy Tynyanov. *Kaverin V., Novikov V. A Novoje zrenije: Kniga o Yurii Tynyanove* [A New Vision: A Book about Yuriy Tynyanov]. Moscow, 1988, pp. 260–319. (In Russ.)
 13. Barsov, E.V. “*Slovo o polku Igoreve*” *kak khudozhestvennyj pam’atnik kijevskoj družinnoj Rusi. Issledovanie* [“The Tale about Igor’s Campaign” as Artistic Monument of the Retinue (Druzhina) of the Kievian Rus’. Research]. Vol. 2. Moscow, 1887. 322 p. (In Russ.)
 14. Sapunov, B.V. *Yaroslavna i drevnerusskoje jazychestvo* [Yaroslavna and Old Russian Paganism]. “*Slovo o polku Igoreve*” — *pam’atnik XII veka. Sbornik statej* [“The Tale about Igor’s Campaign” — a Monument of the 12th Century: Collected Articles]. Moscow, Leningrad, 1962, pp. 321–329. (In Russ.)
 15. Jakobson, R.O. *Kompozicija i kosmologija placha Yaroslavny* [The Composition and the Cosmology of the Weeping of Yaroslavna]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) AN SSSR* [Proceedings of the Old Russian Literature Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 24. Leningrad, 1969, pp. 32–34. (In Russ.)
 16. Picchiio, R. “*Slovo o polku Igoreve*” *kak pam’atnik religioznoj literatury drevnej Rusi* [“The Tale about Igor’s Campaign” as a Monument of Religious Literature of Ancient Russia]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 50. St. Petersburg, 1997, pp. 430–431. (In Russ.)
 17. Sokolova, L.V. *Plach Yaroslavny* [The Weeping of Yaroslavna]. *Enciklopedija “Slova o polku Igoreve” v 5 t.* [Encyclopedia of “The Tale about Igor’s Campaign”

- in 5 Vols]. Vol. 4. St. Petersburg, 1995, pp. 109–116. (In Russ.)
18. Sokolova, L.V. *Motiv zhivoj i mjertvoj vody v “Slove o polku Igoreve”* [The Motive of Living and Dead Water in the “The Tale about Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) RAN* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 48. St. Petersburg, 1993, pp. 38–47. (In Russ.)
 19. Klein, I. *Donec and Stiks (Pogranichnaja reka mezhdu svetom i t’moju v “Slove o polku Igoreve”)* [Donets and Styx: (The Frontier River between Light and Darkness in “The Tale about Igor’s Campaign”)]. *Kul’turnoje nasledije Drevnej Rusi: (Istoki. Stanovlenije. Tradicii)* [Cultural Heritage of Ancient Russia: (Sources. Becoming. Traditions)]. Moscow, 1976, pp. 64–69. (In Russ.)
 20. Klein, I. *“Slovo o polku Igoreve” i apokalypticheskaja literatura: (K postanovke voprosa o topike drevnerusskoj literatury)* [“The Tale about Igor’s Campaign” and Apocalyptic Literature: (To the Formulation of the Question about the Topic of Old Russian Literature)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom) AN SSSR* [Proceedings of the Old Russian Literature Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the USSR Academy of Sciences]. Vol. 31. Leningrad, 1976, pp. 104–115. (In Russ.)
 21. Gasparov, B.M. *Poetika “Slova o polku Igoreve”* [Poetics of “The Tale about Igor’s Campaign”]. Moscow, 2000. 608 p. (In Russ.)
 22. Demkova, N. *Problemy izuchenija “Slova o polku Igoreve”* [Problems of Study “The Tale about Igor’s Campaign”]. *Chtenija po drevnerusskoj literature* [Readings on Old Russian Literature]. Yerevan, 1980, pp. 58–107. (In Russ.)
 23. Demkova, N. *Begstvo knjaza Igorja* [The Flight of Prince Igor]. *“Slovo o polku Igoreve”: 800 let* [“The Tale about Igor’s Campaign”: 800 Years]. Moscow, 1986, pp. 491–493. (In Russ.)
 24. Podkorytova, T.I. *Parallel myfa i istorii, obraza i narrativa v “Slove o polku Igoreve”* [Parallel between the Myth and History, an Image and Narrative in “Lay of Igor’s Campaign”]. *Russkaya filologiya: uchenye zapiski kafedry literatury i metodiki ee prepodavaniya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 16. Sost. i red. I.V. Romanova, L.V. Pavlova, L.G. Kayanidi.* [Russian Philology: Scientific Notes of the Department of Literature and Methods of its Teaching at Smolensk State University. Vol. 16. Compl. and Eds. Romanova, I.V., Pavlova, L.V., Kayanidi, L.G.]. Smolensk, 2015, pp. 10–28. (In Russ.)
 25. Uspenskij, B.A. *Poetika kompozicii* [Poetics of Composition]. *Uspenskij, B.A. Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, 1995, pp. 9–220. (In Russ.)
 26. Sokolova, L.V. *Trojan v “Slove”* [Trojan in “The Tale”]. *Enciklopedija “Slova o polku Igoreve” v 5 t.* [Encyclopedia of “The Tale about Igor’s Campaign” in 5 Vols]. Vol. 5. St. Petersburg, 1995, pp. 131–137. (In Russ.)
 27. Griboedov, A.S. *Polnoje sobranije sochinenij v 3 t.* [Complete Works in 3 Vols.]. Vol. 3. Petrograd, 1917. IX+396 p. (In Russ.)
 28. Priyma, F. Ya. *“Slovo o polku Igoreve” v russkom istoriko-literaturnom processe pervoj tretej XIX veka* [“The Tale about Igor’s Campaign” in the Russian Historical and Literary Process of the First Third of the 19th Century]. Leningrad, 1980. 249 p. (In Russ.)
 29. Kaverin V., Novikov V. *Novoje zrenije: Kniga o Yurii Tynyanove* [A New Vision: A Book about Yuriy Tynyanov]. Moscow, 1988. 319 c.
 30. Tynyanov, Yu. *Arkhaisty i novatory* [Archaists and Innovators]. Leningrad, 1929. 596 p. (In Russ.)
 31. Eikhenbaum, B.M. *Tvorchestvo Yu. Tynyanova* [Creativity of Yu. Tynyanov]. *Eikhenbaum B. O proze* [On Prose: Collection of Articles]. Leningrad, 1969, pp. 380–420. (In Russ.)
 32. Khlebnikov, V. *Tvorenija* [Creations]. Moscow, 1986. 736 p. (In Russ.)